

УДК 304:2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

М. Ю. ШИШИН, АлтГТУ, г. Барнаул, Россия

Экологический кризис, еще не давно воспринимавшийся как результат умозрения ученых ныне становится общепринятым явлением. Резкое изменение климата, техногенные катастрофы, падения иммунитета и, как следствие пандемии, охватывающие обширные пространства — все это очевидный результат нарастания экологической угрозы. Принятие мировым сообществом «Повестки на 21 век», выдвижение концепции устойчивого развития, заключение Киотского протокола по выбросам парниковых газов эти международные акции и многое другое, прямо свидетельствует о нарастающей тревоге и поиске выхода из создавшегося положения, который осуществляют многие страны, научные сообщества и влиятельные общественные организации. Принимаемые меры могут показаться незначительными и мизерными по сравнению с буквальным смысле «девятым валом» экологических бед. Но они важны не только сами по себе, но еще и тем, что обращают внимание все большего числа людей к общей проблеме человечества и экология все больше и больше превращается из науки в особого рода мировоззрение. Этот переход наметился в конце прошлого века, что стало основанием в выработки ряда инновационных научных направлений и, в частности, экологической культуры.

Становление этого направления осуществляется на наших глазах. Значительных результатов достигли здесь отечественные ученые М.С. Когана, Э.С. Маркаряна, Ю.Г. Маркова, В.А. Ясвина и многие другие.

Вскрылись и ряд важных проблем. Все исследователи в области экологической культуры сходятся во мнении, что она должна сочетать в себе с одной стороны достижения современной науки, с другой стороны активно использовать опыт прежних поколений, накопивших уникальные знания о гармоничном сочетании человека и природы. Но очевидно, что в настоящее время, вряд ли возможно применять весь потенциал экологической культуры, который накопило человечество ранее в условиях традиционного природопользования, подкрепленного религиозным мировоззрением. Вторая проблема заключается в следующем: на уровне обыденного сознания более или менее понятно, что подразумевается под культурным и антикультурным экологическим поведением человека. Но этого явно недостаточно для разработки образовательных программ, законодательных проектов и т.д. Необходимо было прояснение данного понятия — задача не такая уж простая, если учесть множество определений самой культуры. И, наконец, третья крупная проблема, которая вскрылась не столько в теоретическом дискурсе, сколько в практике внедрения экологической культуры в образовательных программах или масштабных концепций региональной культуры и образования, (например в Томской и Калининградской и других областях страны). Суть данной проблемы заключается в том, что сумма знаний переданных человеку в рамках образовательных про-

грамм по экологической культуре не всегда приводит человека к экологическим действиям. Конечно же это зависит от таланта учителя, готовности учеников, учебных пособий и т.д., но главная причина заключается все таки в том, что помимо знаний должны возникнуть и переживания, сердце человека должно откликнуться на полученную информацию, а, если говорить о детском экологическом воспитании, то чрезвычайно важно что бы ребенок еще своими действиями, что-то мог исправить, что-то изменить в лучшую сторону. Другими словами действительно отнестись к проблеме. В данной статье мы покажем, как может быть уточнено понятие и содержательный план экологической культуры.

В московской международной декларации об экологической культуре, принятой 7 мая 1998 года, дано следующее определение: «Экологическая культура предполагает такой способ жизнеобеспечения, при котором общество системой духовных ценностей, этических принципов, экономических механизмов, правовых норм и социальных институтов формирует потребности и способы их реализации, которые не создают угрозы жизни на Земле» [цит. по 13, с.6].

В диссертации Сигаревой Е.В. «Экологическая культура как способ социоприродного бытия и ее детерминация» это определение уточняется. Она пишет: «Экологическая культура — это способ социоприродного бытия человека, выражающий единство человека и природы, развертывающееся в освоении человеком предметов и процессов природы, ставшими средствами жизни человека, которое осознается им в историческом и индивидуальном развитии» [10, с.138].

В обоих определениях проводится мысль о единстве человека и природы, утверждается значение ценностных ориентаций и фактически ставится проблема разработки механизмов коэволюционного развития. Но в основании обоих лежит, на наш взгляд, некая «вынужденность»: мы формируем экологическую культуру только потому, что иначе не выживем. Эта вынужденность не может стать мировоззренческим базисом нового экологического сознания, а отсутствие такого базиса порождает прагматизм, который всегда будет подталкивать к выдвиганию на первый план «человеческих» интересов вопреки интересам природы.

В то же время на протяжении всего 20 века разрабатывалось учение, которое с полным правом может претендовать на роль такого базиса — учение о ноосфере, главным образом в том изначальном варианте, как оно разрабатывалось его основоположниками Э. Леруа, П. Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским. Мы подчеркиваем этот момент потому, что после работ первых ноосферологов, ноосфера — сфера разума стала трактоваться слишком широко. У современных исследователей порой ноосфера — это все, что создано человеком. При этом гуманистический пафос, идеалы духовного совершенствования и высочайшей ответственности человека за свою эволюцию и эво-

люцию планеты отходят на дальний план. В новых условиях потребовалось уточнить, что разумная деятельность человека может представлять как минимум в трех своих ипостасях — ноосферата — «ужасная ноосфера», включающая оружие, войны, насилие и прочее; все, что уничтожает жизнь как таковую; ноосфера с маленькой буквы как то что обеспечивает человека как природно-телесное существо, и, наконец, Ноосфера подлинная, с большой буквы, в которой силы природы и человека создают благодатный синтез. Исходя из этого понимания ноосферы, по-новому стало видеться и понятие культуры.

К истинной культуре должно быть отнесено все в ноосфере, что устремляет человека к высшему, пронизано и управляется подлинными ценностями. Эти высшие ценности задают идеал ноосферного существования, образуя, пусть пока еще в идеальном плане, то, что выше было названо Ноосферой с большой буквы.

Другими словами, теория ноосферы помогает увидеть и структуру культуры, разводит явления анти-культуры (той, что принадлежит ноосферате — массовая культура, культ насилия и наркотиков и т.п.), а-культуры, нейтральной по сути (например, культура быта, жизнеустройства) и собственно Культуры, которая выполняет в отношении ноосферогенеза функцию целевой детерминации (детерминации будущим) В соответствии с высшими целями и ценностями человек творчески преобразует себя и мир, воплощая в материальном бытии идеал Ноосферы.

Сегодня, как известно, целый ряд исследователей констатирует общесистемный глобальный кризис техногенно-потребительской модели мирового развития. Эта модель господствовала на протяжении последних веков и наиболее ярко воплощена сейчас в развитых странах Запада. К ее основным характеристикам и мировоззренческим основаниям относятся: взгляд на европейскую культуру как на безусловную вершину мировой истории; культ научно-технического прогресса; бытие в социальном линейном времени, практически полностью игнорирующем биосферно-космические циклы, ритмы и зависимости; взгляд на природу как на безликую окружающую среду, подлежащую освоению, переделыванию и подчинению интересам человека; индивидуализм гражданского общества, только отчасти сдерживаемый демократически-правовыми институтами; меркантилистский культ труда ради получения прибыли и денег как универсального мерил экономической эффективности производства; богатство и социальная карьера как критерии жизненного успеха; приоритет опосредованных связей (правовых и экономических) перед непосредственными (семейными, дружескими, любовными, духовными) связями между людьми.

В целом суть этого типа организации общества выражается в забвении духовной «вертикали» бытия и абсолютизация «горизонтального», «телесного» измерения мира. Не высшие идеалы и ценности человека (Бог, нравственные святыни, живая Мать-Земля) определяют и упорядочивают низшие формы

его жизнедеятельности, а, наоборот, низшие страсти и материальные интересы подчиняют себе высшие. В социуме духовная культура (религия, философия, искусство) становится падчерицей техники и экономики; а технико-экономическое «чрево» цивилизации, напротив, занимает место его разума и сердца. «Низ» и «верх» культуры меняются местами.

Заметим здесь — печально, что Россия направляется сейчас власть preserving, олигархическими структурами, СМИ именно к этим идейным ориентирам. В нашем обществе разгоняется маховик потребления, что проявляется в уродливых гипертрофированных формах. После долгих лет дефицита в советское время, мучительного полуголодного сосуществования в период ельцинских реформ, ныне развязан культ потребительства. Люди вкладывают средства не повышение качества жизни — образование, культуру, здоровье, а в буквальном смысле гонятся за удовольствиями материального потребления. Порой оно проявляется невероятных иррациональных формах, на распродажах люди глубоко пенсионного возраста падают в обморок, под тяжестью десятка утюгов. Гедонистический импульс толкает школьников к игровым автоматам, алкоголю, сексу и наркотикам. С экранов телевизоров назойливо передается один и тот же тезис о росте благосостояния, об экономическом прогрессе. Рост экономический на самом деле мнимый и это уже не раз доказано. После продажи невозобновляемых ресурсов за рубеж, так называемые нефтедоллары туда же и большей частью возвращаются в виде покупки машин, предметов роскоши, бытовой техники и даже обычных продуктов питания, ранее успешно производимых в нашей стране. Пагубная экономическая концепция влечет за собой цепь и гуманитарно-экологических проблем. Доказано, что экономический рост не ведет к гуманизации общества. Классическими здесь можно считать труды крупнейшего западного философа и психотерапевта Э. Фромма. Приведем также результат крупного исследования, которое проводилось в благополучной Норвегии. Была поставлена задача в период с 1850 по 1990-е годы определить зависимость экономического роста и гуманности общества. Последнее определялось по числу совершенных тяжелых преступлений. Пик «гуманности» приходится на 1960 год, дальше рост экономических продолжается, а благополучие людей резко падает [см. 7]. Таким образом, здесь не может идти речи ни о подлинной ноосфере, культуре, а росте экологических проблем мы уже писали.

Суть же Ноосферы — культуры, состоит в том, что научно-технический прогресс, производство материальных товаров и услуг, политические и финансово-экономические интересы должны быть не целью, а средством гармонизации отношений между обществом и природой, утверждения высших идеалов человеческого существования: бесконечного познания, всестороннего творческого развития и нравственного совершенствования. Как наше земное тело должно служить духу, так экономика и техника должны обслуживать духов-

ную культуру. Только она обеспечивает воспроизводство человека именно как Человека — как духовно-нравственного существа.

Соответственно, при определении, относится ли тот или иной предмет, явление к сфере культуры, здесь надо использовать главный критерий: встраивается ли он в гармоничную, иерархическую систему целей и потребностей. Если его существование и функционирование поддерживает систему отношений, в которой главными являются высшие цели и ценности, — то и сам объект и вся система в целом принадлежат к культуре, иначе, в лучшем случае они принадлежат, к ноосфере, с маленькой буквы.

С этой точки зрения, например, иррациональные цели и рыночные «правила игры» современной экономики, сплошь и рядом оборачивающиеся антихозяйственными результатами, — не принадлежат к культуре, так как исходят из стремления удовлетворить противоестественные, грубо материальные потребности человека. Под такими противоестественными (иррациональными) потребностями и удовлетворяющими их иррациональными товарами и услугами нужно понимать, во-первых, те, которые разрушают человеческие плоть и дух; во-вторых, те, которые являются излишними с точки зрения здорового воспроизводства человеческой телесной и духовной жизни; и, в-третьих, те, которые технологически обеспечивают материальное производство товаров и услуг, являющихся излишними или разрушительными для здорового воспроизводства человеческого духа и тела. А Д. Урсул в своей монографии «Переход России к устойчивому развитию» приводит красноречивые цифры по этому поводу. В мире тратится в год миллиардов долларов на игру в гольф — 40, на вино — 85, пиво — 160, сигареты — 400, рекламу — 250, военные нужды — 800; в то же время глобальные потребности в чистой воде и санитарии, начальном образовании и основах детского здравоохранения вместе составляют — 28 миллиардов [11, с.60]. Так что на игру в гольф тратится почти в два раза больше чем на сущностные потребности. Возвращаясь к мысли о стратификации ноосферы, эти потребности стоит отнести по преимуществу к ноосферате.

Все это, в свою очередь, позволяет хотя бы контурно, постановочно, определить особенности формирования ценностных оснований экологической культуры. Поскольку экологическая культура является частью общечеловеческой культуры, то, исследуя ценностное ядро культуры в целом, мы приближаемся к решению поставленной в данной статье проблемы.

Кратко стоит напомнить, что вопрос о высших ценностях, Истины–Красоты–Добра — ключевой для философии. После разделения в Новое Время в Европе единого ствола культуры — религии, философии, науки и художественного творчества на самостоятельные и даже часто противопоставляющиеся друг другу ветви, после секуляризации культуры, вопрос о объективном или субъективном характере высших ценностей встал заново. По обе стороны от него сложились две противоположных линии философско-мировоззренческие линии. Одна полагала, что источником ценностей является сам человек, а, зна-

чит, он и определяет их порядок. Можно в этом случае поставить на первый план ценность комфортности своего телесного существования — это и формирует культ потребления, человека-хищника, эгоиста, для которого природа на пример, в лучшем случае «базаровская мастерская», а еще чаще — объект насилия и разграбления. Экологический кризис во многом — результат этого доминирующего мировоззрения. Другая группа мыслителей — в России это В. Соловьев, П. Флоренский, Н. Лосский и другие, среди ученых В. Вернадский, а на западе М. Шелер, Н. Гартман, А. Швейцер, Ж. Маритен, Э. Фромм и теолог и антрополог П. Тейяр де Шарден так или иначе утверждали объективный характер высших ценностей и, главное, их определенный иерархический порядок, *ordo amoris*. Этот порядок не случаен, и его сознательное принятие упорядочивает и бытие человека в мире. И в рамках этого порядка природа — Жизнь — является ценностью сама по себе.

Можно здесь сделать предварительный вывод относительно формирования экологической культуры на новом историческом этапе. Очевидно, что дальнейшее разделение духовных устремлений, философии, науки и искусства будет являться провоцирующим антидуховное и антиэкологическое мировоззрение, поэтому необходимо на новом уровне осуществить шаги к синтетическому мировоззрению. Очевидно также, что это мировоззрение должно формироваться с опорой на современные мировоззренческие парадигмы — синергетику, глобальный эволюционизм, ноосферная теория, что позволит раскрыть в новом ключе вопрос об объективном характере Высших ценностей.

Таким образом, в разработке философских оснований экологической культуры можно детализировать главный критерий оценки того или иного явления (программы действий, методик, технологии и пр.): утверждение или отрицание фундаментальных человеческих ценностей — знания, красоты, добра. Отрицание этих ценностей ведет прямо или косвенно и к отрицанию ценности жизни.

Говоря о ценности знания и ее преломления в экологической культуре, надо подчеркнуть, что сейчас часто под знанием понимается просто информация, причем несистематизированная. То, что такое «знание» разъединяет общество и не имеет отношения к знанию как высшей ценности, достаточно очевидно. В западной европейской традиции под знанием чаще всего понималось рациональное научное знание. Как известно, сциентизм полностью отделил ценность такого знания, ценность научной истины от остальных ценностей. Двадцатый век наглядно продемонстрировал, что рациональное знание, оторванное от духовных ценностей, становится выхолощенным и даже опасным, именно оно и ведет человечество к катастрофам, то есть также начинает противоречит не только ценностям добра и красоты, но и самой жизни, причем не только в форме изобретения все более совершенных видов оружия, но и в экспериментах с геномом человека, смене пола и т.д.

Ценность красоты с каждой эпохой получает все большее философское и даже естественнонаучное обоснование. Еще Н.О. Лосский утверждал, что «любование красотой... есть сосредоточенность зрителя на объективно ценном, а не наслаждение своим органическим ощущением или своими способностями» [5, с.256].

В конце 19 века первой половины 20 века Д. Рескин [8] и О. Леопольд [4] заложили основы экологической эстетики и этики. Они призывали ценить не только сценические виды и ландшафты, но и признавать красоту в обычных пейзажах дикой природы и некрасивых животных и растениях. О. Леопольд замечает подобие в процессе восприятия красоты в искусстве, когда человек от красоты предметов, начинает восходить в прозрении иной ступени красоты, которая неопишима словами, и являет собой высшую ценность.

Онтологическую сущность красоты ныне доказывают многие ученые, более того, обосновывают объективные законы, лежащие в ее основе. Так, Самохвалова В.И. полагает, что поскольку сама природа стремится к повышению уровня гармонической упорядоченности, то красота в искусстве обретает новый смысл — здесь возникает новый антиэнтропийный уровень; красота в ее концепции противостоит энтропии. «В своем творчестве человек как бы продолжает свойственными ему средствами дело организации мира, начатое природой, не только воссоздавая красоту мира, но и творя ее новое бытие... И если до человека гармония и красота возникала лишь как результат стихийно протекающих процессов самоорганизации в природе, то с приходом человека творчество гармонии и красоты становится сознательной и целенаправленной деятельностью его по организации окружающего мира, по утверждению человеческого содержания порядка» [9, с.7-8]. Волошинов А.В. на обширном материале искусства, науки, в частности, математики, и философской мысли убедительно показывает, что в части феноменального проявления прекрасного действуют природные законы формообразования, имеющие адекватное математическое выражение. Он также полагает, что важнейшим принципом, определяющим «... законы формообразования в природе и искусстве, является принцип симметрии в его обобщенной трактовке, включающей в себя, помимо геометрической симметрии, такие объективные законы искусства, как пропорции золотого сечения, ритм и приблизительная симметрия. Симметрия может быть названа сверхпринципом формообразования в природе и искусстве, а вместе с диссимметрией и ее предельным случаем, асимметрией, симметрия является важнейшей количественной функцией оппозиции Порядка и Хаоса» [2, с.26].

Таким образом, объективность принципов красоты и гармонии, основанность их на природных законах, неразрывно сближает сами принципы и ценности красоты и знания.

О связи же красоты и добра (не доброты, а Добра как высшего духовного принципа), в ключе экологической культуры уже проведены фундаментальные

исследования, например отечественным мыслителем у П.А. Флоренским. Замечательные работы О. Леопольда, Т. Ригана, Д. Формана стали классическими для разработки экологической этики.

А. Швейцер сформулировал ряд основополагающих аксиом в этой области. Его определение человека разделяющего тезис о благоговении перед жизнью, замечательно дополняет вышеприведенную мысль П.А. Флоренского. Швейцер писал о человеке, которого можно было бы считать подлинно экологически культурным: «Все, что случается с этой жизнью, он будет воспринимать, как будто это случилось с ним; он окажет ей самую большую помощь, какую только может; и если ему удастся что-то сделать для сохранения и поддержания жизни, это будет для него величайшим счастьем, которое может выпасть на его долю» [12, с.138]. Продуктивно экологическая этика разрабатывается в настоящий момент В.Е. Борейко [1]. Кроме этого, можно вспомнить замечательное наследие восточной мысли, например, буддийскую и другие традиции сострадания ко всему существу. В русской православной культуре мощно проявляет себя категория соборности, когда весь мир представляется как единый собор, все части которого синергично совокупно тянутся к Богу, а его безусловными атрибутами признаются Истина, Красота и Любовь.

Проявлений этого принципа в природе обнаружено уже достаточно. Можно вспомнить работы социобиологов, выявивших фундаментальную роль альтруизма, кооперации, взаимопомощи в эволюционном процессе, вопреки раннеэволюционным (и упрощенным) представлениям о внутривидовой борьбе за существование. Известны эксперименты индийского ученого Дж.Ч. Боса, показавшие что растения реагируют, на смерть живого существа и достаточно сильно [см. 6, с.136-167].

Идеи кооперации в природе и обществе в России развивал еще незаслуженно забытый и умаленный за свои политические взгляды П.А. Кропоткин в своем фундаментальном труде «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» [3]. Заслуживают особого внимания мысли Кропоткина, что периоды подлинного расцвета в искусстве и науке по преимуществу совпадают с периодами, когда идеи кооперации и сотрудничества внутри человеческого сообщества и человека и окружающей среды выдвигаются на передний план.

Обобщая, можно снова сказать, во-первых, что пока еще разрозненные исследования в самых разных областях постепенно подводят к выводам об объективном характере высших ценностей, а ноосферная парадигма открывает один из возможных путей прояснения онтолого-аксиологического фундамента экологической культуры.

На этой основе могут быть определены антиэкологическая культура — уничтожение природных комплексов, опыты с геномом человека и животных, превращение природных ландшафтов в урбанизированные конгломерации; экологическая культура жизнедеятельности (с маленькой буквы), которая

включает в себя обычные правила поведения человека: рациональное ведение хозяйства, новые природосберегающие технологии и пр., и, наконец, экологическая Культура как духовно-интеллектуальный, ноосферный базис экологического мировоззрения.

Список литературы

1. Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. — Киев: 1999.
2. Волошинов А.В. Онтология красоты и математические начал искусства // Диссертация на соискание уч. степени доктора филос. наук. — Саратов: 1992.
3. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. — СПб: Знание, 1997.
4. Леопольд О. Календарь песчаного графства. — М.: Мир, 1980.
5. Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики — М.: Прогресс-Традиция, 1998.
6. Наг К. Исследования и открытия сэра Дж. Боса // Ариаварта, Начальный выпуск — СПб.: 1996.
7. План действия «Устойчивые Нидерланды» — М.: Экопресс-ЗМ, 1995.
8. Рескин Дж. Искусство и действительность. — М.: Сова, 2006
9. Самохвалова В.Н. Антиэнтропийный смысл красоты. // Диссертация на соискание уч. степени доктора филос. наук. — М.: 1990.
10. Сигарева Е.В. Экологическая культура как способ социоприродного бытия и ее детерминация. (автореферат диссертации). — Кемерово: Кем ГАКИИ, 1999.
11. Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию. — М. Ноосфера, 1998.
12. Швейцер А. Жизнь и мысли. — М. Республика, 1996.
13. Ясвин В.А. Формирование экологической культуры. — М.: Акрополь, ЦЭПР, 2004.